

Корнилов Александр Александрович

Курс истории России XX века

Часть 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Александрович К.**
Курс истории России XX века: Часть 2 / Корнилов Александр Александрович – М.: Книга
по Требованию, 2023. – 274 с.

ISBN 978-5-519-90365-3

ISBN 978-5-519-90365-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

разошелся со своей первой женой, которая въ 1803 г. уѣхала изъ Россіи. Затѣмъ они долгое время жили врозь, и Константинъ поднялъ, наконецъ, вопросъ о расторженіи этого брака, добился развода и женился вторично—на польской графинѣ Жаннетѣ Грудзинской, которая получила титулъ свѣтлѣйшей княгини Ловичъ. Но бракъ этотъ считался морганатическимъ, и потому не только ихъ дѣти лишались правъ на престолъ, но и самъ Константинъ Павловичъ, вступивъ въ этотъ бракъ, какъ бы тѣмъ самымъ отказывался отъ престола. Всѣ эти обстоятельства поставили вопросъ о переходѣ правъ престолонаслѣдія къ слѣдующему за Константиномъ брату еще въ царствованіе Александра. Несмотря на это, Константинъ Павловичъ до смерти Александра продолжалъ считаться наслѣдникомъ престола и носить связанный съ этимъ титулъ цесаревича. слѣдующимъ за нимъ братомъ былъ Николай. Хотя Николай и говорилъ потомъ неоднократно, что онъ не ожидалъ, что ему придется царствовать, но, въ сущности, то обстоятельство, что онъ являлся естественнымъ преемникомъ престола за устраненіемъ Константина, было очевидно всѣмъ лицамъ, знавшимъ законъ о престолонаслѣдіи. Самъ Александръ дѣлалъ Николаю еще въ 1812 г. весьма недвусмысленные намеки на то, что ему придется царствовать, а въ 1819 году уже прямо заявилъ ему это, предупредивъ о возможности и своего отреченія въ недалекомъ будущемъ.

Въ 1823 г. Александръ призналъ необходимымъ сдѣлать на этотъ счетъ формальное распоряженіе—не столько на случай своей смерти, сколько на случай своего собственного отреченія отъ престола, о чемъ онъ въ то время крѣпко подумывалъ.

Переговоривъ еще въ 1822 г. съ Константиномъ, Александръ получилъ тогда же отъ него письменное отреченіе отъ престола; затѣмъ объ этомъ отреченіи былъ составленъ манифестъ, подписанный Александромъ, въ которомъ онъ отреченіе Константина признавалъ правильнымъ и „назначалъ“ наслѣдникомъ престола Николая. Это вполне соответствовало и тому обстоятельству, что при воцареніи Александра присяга приносилась ему и наслѣднику, „который назначенъ будетъ“.

Но этотъ манифестъ объ отреченіи Константина и о назначеніи наслѣдникомъ Николая удивительнымъ образомъ не былъ опубликованъ. Въмѣсто того, чтобы опубликовать его, Александръ

секретно приказалъ кн. А. Н. Голицыну снять съ него три копіи, затѣмъ подлинникъ переданъ былъ митрополиту Филарету для положенія на престолъ успенскаго собора въ Москвѣ, гдѣ онъ долженъ былъ храниться въ глубокой тайнѣ, а копіи были переданы въ государственный совѣтъ, въ сенатъ и въ синодъ для храненія въ запечатанныхъ конвертахъ съ надписью на конвертѣ, переданномъ въ государственный совѣтъ рукою Александра: „хранить въ государственномъ совѣтѣ до моего востребованія, а въ случаѣ моей кончины раскрыть, прежде всякаго другого дѣйствія, въ чрезвычайномъ собраніи“. Подобныя же надписи были и на другихъ двухъ конвертахъ. Всѣ эти копіи были переписаны рукою князя Голицына, и кромѣ вдовствующей императрицы Маріи Ѳеодоровны и Константина, — который, впрочемъ, манифеста не видѣлъ (но зналъ, повидимому о его существованіи) — самый манифестъ былъ извѣстенъ только князю Голицыну и Филарету. Единственно, что можно придумать въ объясненіе этого поведенія Александра, — это то, что Александръ дѣлалъ все это главнымъ образомъ на случай своего отреченія, и такъ какъ отреченіе могло быть актомъ только произвольнымъ, то онъ и думалъ, конечно, что все дѣло остается въ его рукахъ.

Когда въ Петербургъ пришло 27 ноября 1825 г. извѣстіе о смерти Александра, то Николай счелъ невозможнымъ воспользоваться неопубликованнымъ манифестомъ и, зная отъ Милорадовича, что гвардейскія войска въ Петербургѣ отнюдь не расположены въ его пользу, хотѣлъ не прежде вступить на престолъ, какъ добившись отъ Константина формальнаго и торжественнаго отреченія въ его пользу. Поэтому онъ началъ съ того, что присягнулъ Константину, какъ законному императору и, не слушая Голицына, который настаивалъ на распечатаніи пакета съ манифестомъ, хранившагося въ государственномъ совѣтѣ, приказалъ тотчасъ же привести къ присягѣ Константину войска петербургскаго округа; а затѣмъ съ донесеніемъ обо всемъ этомъ и съ изъявленіемъ своихъ вѣрноподданическихъ чувствъ отправилъ къ Константину въ Варшаву особаго посланца.

Константинъ отвѣтилъ черезъ брата Михаила, гостившаго тогда въ Варшавѣ, что онъ давно уже отрекся отъ престола, но отвѣтилъ это частнымъ письмомъ, не давъ этому акту

опять никакого официального характера. Николай считалъ, что такого письма недостаточно, тѣмъ болѣе, что петербургскій генераль-губернаторъ графъ Милорадовичъ совѣтовалъ ему, въ виду нерасположенія къ нему гвардіи, дѣйствовать какъ можно осторожно.

Чтобы избѣжать недоразумѣній, Николай отправилъ въ Варшаву новаго посланца, прося Константина пріѣхать въ Петербургъ и подтвердить лично свое отреченіе. Но Константинъ лишь вновь подтвердилъ частнымъ письмомъ, что онъ отрекся еще при жизни Александра, но лично пріѣхать не можетъ, а что, если на этомъ будутъ настаивать, то онъ уѣдетъ еще дальше.

Тогда Николай рѣшилъ, что приходится прекратить эти затнувшіеся на цѣлыхъ 2 недѣли переговоры и объявить самому о своемъ вступленіи на престолъ. Собственно, манифестъ объ этомъ былъ написанъ имъ, при помощи Карамзина и Сперанскаго, уже 12 декабря, но опубликованъ онъ былъ лишь 14 числа, и на это число была назначена общая присяга въ Петербургѣ новому императору.

Въ концѣ этого необычнаго междуцарствія до Николая разными путями стали доходить тревожныя вѣсти о настроеніи умовъ въ Петербургѣ, и вообще въ Россіи; но Милорадовичъ хотя и совѣтовалъ дѣйствовать осторожно, однако отрицалъ возможность серьезнаго возмущенія вплоть до самаго 14-го декабря.

Между тѣмъ члены тайнаго общества, находившіеся въ Петербургѣ, рѣшили воспользоваться этимъ небывалымъ замѣшательствомъ въ своихъ видахъ; имъ представлялось, что не можетъ быть болѣе благопріятнаго случая, чтобы поднять возстаніе и потребовать конституціи.

14-го декабря, когда былъ изданъ манифестъ о томъ, что Константинъ отрекся и что слѣдуетъ присягать Николаю, члены сѣвернаго общества, главнымъ образомъ гвардейскіе офицеры и моряки, собиравшіеся ежедневно у Рытѣва, сдѣлали попытку убѣдить солдатъ, что Константинъ вовсе не отрекся, что Николай дѣйствуетъ незаконно и что слѣдуетъ поэтому твердо стоять на своей первой присягѣ Константину, требуя при этомъ конституціи. Заговорщикамъ удалось однако-жъ взбунтовать цѣликомъ только одинъ московскій гвардейскій полкъ; его

примѣру послѣдовали нѣсколько ротъ гвардейскаго флотскаго экипажа и отдѣльные офицеры и нижніе чины другихъ частей войскъ.

Собравшіеся на сенатской площади, возставшіе заявили, что считаютъ законнымъ императоромъ Константина, отказываются присягать Николаю и требуютъ конституціи.

Когда вѣсть объ этомъ дошла до Николая, онъ счелъ дѣло очень серьезнымъ, но все же хотѣлъ принять сперва мѣры для окончанія его, по возможности, безъ пролитія крови. Съ этой цѣлью онъ сперва отправилъ увѣщевать бунтовщиковъ Милорадовича, который пользовался, какъ извѣстный боевой генералъ, значительнымъ престижемъ среди войскъ и особенно былъ любимъ солдатами. Но когда Милорадовичъ приблизился къ взбунтовавшимся частямъ войскъ и заговорилъ съ ними, въ него немедленно выстрѣлили одинъ изъ заговорщиковъ, Каховскій, и Милорадовичъ упалъ съ лошади смертельно раненый. Такъ какъ къ бунтовщикамъ въ это время присоединились нѣсколько батарей артиллеріи, то увѣщевать ихъ вызвался въ качествѣ начальника всей артиллеріи великій князь Михаилъ Павловичъ, но и въ него былъ сдѣланъ выстрѣлъ Вильгельмомъ Кюхельбекеромъ, и Михаилъ Павловичъ, хотя и не былъ раненъ, долженъ былъ однако-жъ отѣхать. Затѣмъ для увѣщеванія солдатъ былъ посланъ митрополитъ Серафимъ, но и его они не послушали и кричали ему, чтобы онъ удалился. Тогда Николай распорядился, по совѣту окружавшихъ его генераловъ, атаковать возставшія войска при помощи конной гвардіи, которой командовалъ Алексѣй Федоровичъ Орловъ, братъ бывшаго члена союза благоденствія Михаила Орлова. Орловъ двинулся было въ атаку, но лошади его не были подкованы какъ слѣдуетъ, между тѣмъ была гололедица, и онѣ не могли идти быстрымъ аллюромъ, такъ какъ ноги у нихъ разѣзжались. Тогда генералы, окружавшіе Николая, стали говорить, что необходимо положить этому предѣлъ, потому что населеніе мало-по-малу присоединяется къ бунтовщикамъ;—дѣйствительно, на площади появились толпы народа и штатскихъ лицъ. Тогда Николай распорядился стрѣлять; послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ картечью на близкомъ разстояніи вся толпа бросилась бѣжать, оставивъ много убитыхъ и раненыхъ. Не ограничиваясь этимъ, по инерціи стрѣляли еще и вслѣдъ толпѣ, когда

она бросилась бѣжать по исаакиевскому мосту (это былъ мостъ прямо съ сенатской площади къ васильевскому острову) и тутъ было еще убито и ранено довольно много народа.

Этимъ, въ сущности говоря, все возстаніе въ Петербургѣ и было прекращено. Всѣ остальные войска присягнули безропотно, и инцидентъ былъ исчерпанъ. Николай приказалъ, чтобы на другой день никакихъ труповъ и слѣдовъ происшедшаго не оставалось, а услужливый, но неразумный оберъ-полицмейстеръ Шульгинъ приказалъ бросать трупы прямо въ проруби, отчего потомъ долго ходили толки, что при спѣшности этой уборки вмѣстѣ съ трупами бросали въ прорубь и тяжело раненыхъ. Впослѣдствіи обнаружилось, что со стороны васильевского острова цѣлый рядъ труповъ примерзъ ко льду; сдѣлано было даже распоряженіе не брать въ ту зиму здѣсь воды и не колоть льда, потому что во льду попадались части человеческого тѣла ¹⁾. Такимъ мрачнымъ событіемъ ознаменовалось начало новаго царствованія.

Затѣмъ послѣдовали обыски и аресты по всему Петербургу. Арестовано было нѣсколько сотъ человекъ — и среди нихъ много неприкосновенныхъ къ дѣлу, но вмѣстѣ съ тѣмъ были арестованы и всѣ главные вожаки.

Николай Павловичъ еще 10 декабря получилъ первое предупрежденіе отъ молодого поручика Ростовцева о готовящихся въ гвардіи безпорядкахъ и въ то же почти время онъ получилъ и отъ Дибича (начальника главнаго штаба его величества, находившагося при Александрѣ въ Таганрогѣ) копіи доносовъ о заговорѣ въ Южномъ обществѣ, гдѣ въ январѣ 1826 года произведена была тоже попытка вооруженнаго возстанія Сергѣемъ Муравьевымъ при Бѣлой Церкви. Поэтому слѣдствіе началось сразу о всѣхъ тайныхъ обществахъ, которыя въ то время существовали въ Россіи. Слѣдствіе это наполнило собою первые мѣсяцы царствованія Николая.

Но прежде чѣмъ приступить къ изложенію первыхъ шаговъ царствованія императора Николая, необходимо дать нѣкоторые свѣдѣнія о его личности. Николай былъ третьимъ сыномъ импе-

¹⁾ Наиболѣе подробное описаніе конца дня 14 декабря 1825 г. см. въ ст. *М. М. Попова* (извѣстн. учителя Бѣлинскаго, служившаго потомъ въ III от-дѣленіи) въ ист. сбор. „*О минувшемъ*“. Спб. 109, стр. 110—121.

ратора Павла и послѣ смерти отца остался 5 лѣтнимъ ребенкомъ. Воспитаніе его взяла на себя цѣликомъ его мать, Марія Ѳеодоровна, Александръ же изъ ложной деликатности не считалъ себя въ правѣ вмѣшиваться въ это дѣло, хотя, казалось бы, воспитаніе возможнаго наслѣдника престола является дѣломъ государственнымъ, а не частнымъ. Впослѣдствіи, впрочемъ, отдѣльные случаи вмѣшательства Александра въ это дѣло были, но они были скорѣе въ невыгодную сторону. Историки царствованія Николая, вѣрнѣе его біографы,—потому что исторіи этого царствованія еще не существуетъ,—большей частью придерживаются взгляда, очень распространеннаго и среди современниковъ той эпохи, что Николай воспитывался, будто бы, не какъ будущій императоръ, а какъ простой великій князь, предназначенный къ военной службѣ, и этимъ объясняютъ тѣ недочеты въ его образованіи, которые впослѣдствіи чувствовались довольно сильно. Этотъ взглядъ совершенно не вѣренъ, такъ какъ для лицъ царской фамиліи должно было представляться съ самаго начала вполне вѣроятнымъ, что Николаю придется царствовать. Не могла въ этомъ сомнѣваться императрица Марія Ѳеодоровна, которая знала, что Константинъ царствовать не желаетъ и что и у Александра и у Константина нѣтъ дѣтей. Поэтому нѣтъ сомнѣнія, что Николай воспитывался именно, какъ наслѣдникъ престола, но воспитаніе его отъ воспитанія Александра тѣмъ не мѣнѣе отличалось чрезвычайно сильно.

Марія Ѳеодоровна, повидимому не только не хотѣла сдѣлать изъ него военнаго, но съ дѣтскихъ лѣтъ старалась его охранить отъ увлеченія военщиной. Это однако, не помѣшало Николаю приобрести очень рано именно вкусъ къ военщинѣ. Объясняется это тѣмъ, что самая постановка дѣла воспитанія была неудачной, такъ какъ ей не благопріятствовали ни обстановка двора, ни педагогическіе взгляды самой императрицы. Во главѣ воспитателей Николая, вмѣсто Лагарпа, состоявшаго при Александрѣ, былъ поставленъ старый нѣмецкій рутинеръ, генералъ Ламсдорфъ, котораго Марія Ѳеодоровна въ интимныхъ разговорахъ и письмахъ попросту называла „*parà Lamsdorf*“, и который по старинкѣ и организовалъ воспитаніе Николая.

Николай былъ мальчикъ грубый, строптивый, властолюбивый; искоренять эти недостатки Ламсдорфъ считалъ нужнымъ тѣлесными наказаніями, которыя онъ примѣнялъ въ значительныхъ

дозахъ. Забавы и игры Николая и его младшаго брата всегда пріобрѣтали именно военный характеръ, всякая игра притомъ грозила кончиться дракой, благодаря своенравному и претенціозному характеру Николая. Въ то же время атмосфера, въ которой онъ росъ, была атмосфера придворная, при чемъ сама мать его Марія Теодоровна считала важнымъ дѣломъ соблюденіе придворнаго этикета, и это лишало воспитаніе семейнаго характера. Есть свѣдѣнія, о томъ, что въ раннемъ возрастѣ Николай проявлялъ черты дѣтской трусости, и Шильдеръ приводитъ рассказъ о томъ, какъ Николай въ пятилѣтнемъ возрастѣ испугался пушечной стрѣльбы и куда-то запрятался; но едва ли можно этому факту, если онъ имѣлъ мѣсто, придавать особое значеніе, такъ какъ въ томъ, что пятилѣтній мальчикъ испугался пушечной пальбы, нѣтъ ничего особеннаго. Трусомъ Николай не былъ и личную храбрость онъ впоследствии проявлялъ какъ 14 декабря, такъ и въ другихъ случаяхъ. По характеру у него съ дѣтства былъ не изъ пріятныхъ.

Что касается учителей, которые были къ нему приставлены, то поражаетъ чрезвычайно случайный и скудный ихъ выборъ. Напримѣръ, его гувернеръ, французскій эмигрантъ. Дю-Пюже, училъ его и французскому языку, и исторіи, не будучи къ этому достаточно подготовленнымъ. Все это преподаваніе сводилось къ внушенію Николаю ненависти ко всякимъ революціоннымъ и просто либеральнымъ взглядамъ. Учился Николай чрезвычайно плохо; всѣ учителя жаловались, что онъ никакихъ успѣховъ не оказываетъ, — исключеніе представляло лишь рисованіе. Позднѣе онъ выказывалъ, впрочемъ, большіе успѣхи въ военно-строительномъ искусствѣ и проявлялъ склонность къ военнымъ наукамъ вообще.

Когда онъ вышелъ изъ дѣтскихъ лѣтъ, то къ нему были приглашены, именно какъ къ будущему наслѣднику престола, очень почтенные и свѣдущіе учителя: такъ былъ приглашенъ довольно солидный ученый, академикъ Шторхъ, читавшій ему политическую экономію и статистику; проф. Балугіанскій — тотъ самый, который являлся въ финансовой наукѣ учителемъ Сперанскаго въ 1809 г., — преподавалъ Николаю исторію и теорію финансовъ.

Но самъ Николай Павловичъ вспоминалъ впоследствии, что онъ за этими лекціями зѣвалъ и что у него отъ нихъ ничего

не оставалось въ головѣ. Военныя науки ему читалъ инженерный генералъ Опперманъ и разные офицеры, приглашенные по рекомендаціи Оппермана.

Марія Θεодоровна думала было для довершенія образованія отправить обоихъ своихъ младшихъ сыновей, Николая и Михаила, въ лейпцигскій университетъ, но тутъ императоръ Александръ неожиданно заявилъ свое veto и предложилъ вмѣсто того отдать братьевъ въ проектированный тогда царскосельскій лицей, но когда этотъ лицей былъ открытъ въ 1811 г., то вступленіе туда великихъ князей тоже не состоялось, и все ихъ образованіе такъ и ограничилось домашними занятіями.

Въ 1812 г. Николай Павловичъ, которому исполнилось въ это время 16 лѣтъ, очень просилъ разрѣшить ему участвовать въ дѣйствующей арміи, но императоръ Александръ отказалъ ему въ этомъ и тутъ то впервые намекнулъ ему, что ему предстоитъ въ будущемъ болѣе важная роль, которая не даетъ ему права подставлять свой лобъ подъ пули врага, а обязываетъ приложить больше стараній къ подготовленію себя къ своей высокой и трудной миссіи.

Въ дѣйствующую армію Александръ разрѣшилъ своимъ братьямъ явиться лишь въ 1814 г., но они тогда опоздали къ военнымъ дѣйствіямъ и прибыли, когда кампанія 1814 года уже кончилась и войска находились въ Парижѣ. Точно такъ же опоздалъ Николай Павловичъ и къ войнѣ 1815 г., когда Наполеонъ бѣжалъ съ острова Эльбы и когда императоръ Александръ опять позволилъ своему брату прибыть къ войскамъ. Такимъ образомъ, собственно во дни своей юности, во время наполеоновскихъ войнъ, Николаю не удалось даже издали видѣть настоящее сраженіе, а удалось только присутствовать на великолѣпныхъ смотрахъ и маневрахъ, которые послѣдовали по окончаніи кампаній 1814 и 1815 гг.

Чтобы покончить съ характеристикой воспитанія императора Николая, надо упомянуть еще, что въ 1816 году было принято путешествіе его по Россіи для ознакомленія его со страной, а затѣмъ ему предоставлено было поѣздить по европейскимъ дворамъ и столицамъ. Но эти путешествія совершались, такъ сказать, на курьерскихъ съ головокружительной быстротой, и Россію молодой великій князь могъ видѣть только поверхностно, лишь съ внѣшней ея стороны, и то преимуще-

ственно съ показной. Точно такъ же ѣздилъ онъ и по Европѣ. Только въ Англіи онъ пробылъ нѣсколько дольше и видѣлъ парламентъ, клубы и митинги, — которые, впрочемъ, произвели на него отталкивающее впечатлѣніе, — и даже побывалъ у Озена въ Нью-Ланаркѣ и посмотрѣлъ его знаменитыя учрежденія, причемъ и самъ Озенъ и его попытки улучшить судьбу рабочихъ произвели тогда на Николая Павловича благоприятное впечатлѣніе.

Замѣчательно, что Марія Теодоровна опасалась, чтобы молодой великій князь не приобрѣлъ вкуса къ англійскимъ конституціоннымъ учрежденіямъ, и поэтому для него была написана обстоятельная записка министромъ иностранныхъ дѣлъ графомъ Несельроде, имѣвшая цѣлью предохранить его отъ возможныхъ увлеченій въ этомъ отношеніи. Но тѣ впечатлѣнія, которыя Николай Павловичъ вынесъ изъ поѣздки по Англіи, показали, что записка эта была совершенно излишней: очевидно, онъ всѣмъ предшествующимъ воспитаніемъ былъ застрахованъ отъ всякаго увлеченія такъ называемымъ либерализмомъ.

Это путешествіе по Европѣ закончилось сватовствомъ Николая къ дочери прусскаго короля Фридриха Вильгельма, принцессѣ Шарлотѣ, съ которой онъ и вступилъ въ бракъ въ 1817 г. при чемъ, вмѣстѣ съ православной вѣрой, супруга его приняла наименованіе великой княгини Александры Теодоровны. Въ 1818 г., когда Николаю Павловичу было всего 21 годъ, онъ уже сдѣлался отцомъ семейства: у молодой четы родился будущій императоръ Александръ Николаевичъ. Весь конецъ царствованія Александра I-го протекъ для Николая отчасти въ радостяхъ семейной жизни, отчасти во фронтовой службѣ. Очевидцы свидѣтельствуютъ, что Николай былъ въ эти годы хорошимъ семьяниномъ и хорошо чувствовалъ себя въ своей семьѣ. Общественная дѣятельность его заключалась въ эти годы исключительно въ военной службѣ. Правда, Александръ и въ это время неоднократно дѣлалъ ему намеки на то, что ожидаетъ его впереди. Такъ въ 1819 г. онъ имѣлъ съ Николаемъ, какъ я уже упоминалъ, очень серьезный разговоръ, при чемъ Александръ опредѣленно предупредилъ своего младшаго брата и его жену о томъ, что онъ чувствуетъ утомленіе и думаетъ отречься отъ престола, что Константинъ уже отрекся и что царствовать предстоитъ Николаю. Затѣмъ въ 1820 г.

Александръ вызвалъ Николая на конгрессъ въ Лайбахъ, говоря, что Николай долженъ знакомиться съ ходомъ иностранныхъ дѣлъ и что представители иностранныхъ державъ должны привыкнуть видѣть въ немъ преемника Александра и продолжателя его политики.

Несмотря однако же на всѣ эти разговоры, происходившіе всегда съ глазу на глазъ, во внѣшней жизни Николая никакихъ существенныхъ перемѣнъ не послѣдовало. Онъ былъ еще въ 1817 году произведенъ въ генералы и затѣмъ почти до конца царствованія былъ командиромъ гвардейской бригады; правда, на немъ же лежало почетное завѣдываніе военно-инженернымъ вѣдомствомъ, но большая часть его времени уходила именно на командованіе бригадой. Дѣло это было скучное и мало поучительное для будущаго повелителя великой страны. Въ то же время оно было сопряжено и съ непріятностями, такъ какъ главной задачей великаго князя было возстановленіе наружной дисциплины въ войскахъ, сильно поколебавшейся въ нихъ во время заграничныхъ походовъ, въ которыхъ офицеры привыкли выполнять правила военной дисциплины только во фронтѣ, а внѣ его считали себя свободными гражданами и даже ходили въ штатскомъ платьѣ. Съ этими привычками они вернулись и въ Россію, а Александръ, особенно заботившійся о сохраненіи въ арміи воинскаго духа и считавшій весьма важнымъ дѣломъ наружную дисциплину, признавалъ необходимымъ сильно подтянуть въ особенности офицеровъ гвардіи. Въ этомъ дѣлѣ „подтягиванія“ гвардіи однимъ изъ самыхъ преданныхъ миссіонеровъ и явился Николай Павловичъ, который подтягивалъ свою бригаду не за страхъ, а за совѣсть. Самъ онъ въ своихъ запискахъ жаловался, что дѣлать это было ему довольно трудно, такъ какъ онъ повсюду встрѣчалъ глухое недовольство и даже протестъ, ибо офицеры его бригады принадлежали къ высшимъ кругамъ общества и были, „заражены“ вольнолюбивыми идеями. Въ своей дѣятельности Николай часто не встрѣчалъ одобренія и въ своемъ высшемъ начальствѣ, а такъ какъ онъ педантически настаивалъ на своемъ, то скоро своей строгостью возбуждалъ противъ себя въ гвардіи почти всеобщую ненависть, доходившую до такой степени, что въ моментъ междоцарствія 1825 г. Милорадовичъ счелъ себя обязаннымъ, какъ я уже упоминалъ, предупредить его объ этомъ и посоветовать вести